

Ю. Д. АПРЕСЯН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ТОМ I

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ
СЕМАНТИКА**

СИНОНИМИЧЕСКИЕ

СРЕДСТВА

ЯЗЫКА

Ю. Д. Апресян

Избранные труды
ТОМ I

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

*

СИНОНИМИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА
ЯЗЫКА

2-издание,
исправленное и дополненное

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

ББК 81
А86

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-31829*

Апресян Ю.Д.

А86 Избранные труды, том I. Лексическая семантика:
2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской
культуры», Издательская фирма «Восточная литера-
тура» РАН, 1995. – VIII с., 472 с.
ISBN 5-88766-043-0
ISBN 5-02-017906-X

В монографии предлагаются элементы семантического языка для описания смысла слов естественного языка. На этой основе выполнено описание синонимических средств языка (словообразования, регулярной многозначности, синонимов, конверсивов, антонимов и т.п.) и сформулированы правила глубинно-синтаксических преобразований. Полученные результаты могут быть также использованы в работе по автоматическому синтезу текстов.

А $\frac{4602000000 - 048}{013(02) - 91}$ Без объявления

ББК 81

Юрий Дереникович Апресян

**Избранные труды, том I
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА**
(синонимические средства языка)

Издатель А.КОШЕЛЕВ
Художник В. Коршунов, корректор Л. Морозова

Подписано в печать 22.10.95. Формат 70х90 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 30. Уч. изд. л. 36,4. Заказ № 3478 Тираж 5000.

Издательства: Школа «Языки русской культуры». Москва, Zubovskiy б-р, 17.

ЛР № 071105 от 02.12.94

Издательская фирма «Восточная литература» РАН. Москва, Цветной б-р, д. 21, стр. 2

ЛР № 120910 от 02.09.94

ИБ № 17471

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Оптовая реализация:

Павел Костюшин, тел.: 246-56-32, с 14⁰⁰ до 18⁰⁰ (кроме суб. и воскр.).

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su)
the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: helle_d@danadata.dk)
has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа
«Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-043-0
ISBN 5-02-017906-X

© Ю.Д.Апресян, 1995
© А.Д.Кошелев. Серия
«Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П.Коршунов. Оформление серии, 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В начале 1995 года А.Д.Кошелев предложил мне переиздать книгу “Лексическая семантика”. Мотивы своего согласия на это предложение я изложу чуть ниже. Здесь же скажу, что вскоре после начала работы над этим проектом выяснилась желательность несколько расширить и дополнить его.

“Лексическая семантика” была закончена в 1970 году. С тех пор прошло 25 лет, и все эти годы, иногда с вынужденными перерывами, я продолжал работать над проблемами, которые возникли на ее материале. Большая часть этой работы была проделана по единому плану и на основе единой концепции, зародыш которой содержался в “Лексической семантике”. Ее ключевыми элементами являются:

1) Принцип интегральности описания языка, в силу которого лексемам в явном виде приписываются все свойства, релевантные для правил, а правила учитывают все формы поведения лексем, не упомянутые непосредственно в словаре. От лексикографа этот принцип требует работы на всем пространстве правил, в том числе грамматических, а от грамматиста — работы на всем пространстве лексем.

2) Принцип лексикографического портретирования, в свете которого каждая лексема предстает как автономный и неповторимо своеобразный мир, который хотелось бы описать во всем его богатстве.

3) Представление о высокой степени системной организации лексики и, в связи с этим, совмещение идеологии лексикографических портретов с идеологией лексикографических типов — групп лексем с частично совпадающими свойствами, одинаково реагирующих на определенные лингвистические правила. Лексикографические типы складываются отчасти под воздействием формальной организации языка (в первую очередь особенностей его морфологии, словообразования и синтаксиса), а отчасти под воздействием разного рода культурных факторов, формирующих специфичную для данного языка “наивную” картину мира.

4) Установка на реконструкцию этой наивной картины мира по материалам лексики и грамматики.

На основе этой концепции сложилась программа исследований, которая должна была завершиться написанием монографии “Словарь в интегральном описании языка (опыт системной лексикографии)”. Поскольку план монографии был продуман достаточно детально, я мог работать над любым ее фрагментом по выбору. Завершая очередной фрагмент, я его публиковал, так что в какой-то момент возникла довольно большая серия статей, объединенных одной стержневой мыслью и достаточно полно покрывающих намеченную область. Тем не менее, для их переплавки в монографию надо было бы отказаться от всех других замыслов и надолго погрузиться в чисто техническую работу.

Согласившись на предложение А.Д.Кошелева переиздать “Лексическую семантику”, я одновременно упомянул и эту серию статей. Я исходил из того, что они выросли из материалов и идей более ранней книги (этим, кстати, объясняется и повторяемость многих ключевых примеров) и продолжают ее проблематику. С другой стороны, они существенно ее дополняют. Так возникла идея двухтомника, которую А.Д.Кошелев целиком принял.

Вернусь к собственно “Лексической семантике” и изложу мотивы своего согласия на ее переиздание. Я далек от того, чтобы придавать ей преувеличенное значение, но у этой книги довольно интересная внешняя история. Она объясняет многое в моем нынешнем решении и дает возможность почувствовать, пусть всего на одном примере, ту специфическую атмосферу, в которой развивалась лингвистика (да и вся наша наука и культура) в 70-е годы.

“Лексическая семантика” писалась по пятилетнему плану Института русского языка АН СССР в 1966–1970 гг. В конце 1970 она была сдана в Ученый совет института, утверждена к печати и внесена в план редподготовки 1971 года и план издания 1972. Как всегда в таких случаях, она еще не была доведена до полной степени готовности: не был составлен предметный указатель, предстояло сверить библиографию, изготовить клише графических схем и т.п.

Однако события в Институте русского языка, памятные многим лингвистам старшего и среднего поколения, разворачивались таким образом, что надежд на реализацию решения Ученого совета оставалось все меньше. Директор института Ф.П.Филин и партбюро во главе с Л.И.Скворцовым, при полной поддержке партийного начальства всех уровней, развязали настоящую охоту на сотрудников, замеченных в инакомыслии. В 1970 году из института была изгнана Т.С.Ходорович — член Инициативной группы по защите прав человека. В самом начале 1971 года К.И.Бабицкому, участнику знаменитой демонстрации протеста на Красной площади против оккупации Чехословакии советскими войсками, было отказано в восстановлении на работе после того, как он вернулся из ссылки и был полностью восстановлен в правах. Несколько позже за протесты против разного рода внесудебных преследований инакомыслящих были исключены из партии В.Д.Левин и М.В.Панов. В то время это было равносильно потере работы. Одновременно началась чистка инсти-

туда от сотрудников, подписавших письма протеста против политических судебных процессов конца 60-х годов.

В июне 1972 года наступила моя очередь. Ученый совет института под председательством Ф.П.Филина не переизбрал меня в должности младшего научного сотрудника на очередной трехлетний срок. Совет не был смущен тем, что за отчетный трехлетний период я сдал в печать “Лексическую семантику” и опубликовал около 20 внеплановых статей, из которых в общей сложности девять были в те же годы переведены на английский, французский, польский и венгерский языки. Не помогло и вмешательство академика А.И.Берга, которому в 1970 году в сходных обстоятельствах удалось спасти от увольнения И.А.Мельчука. Письмо А.И.Берга, полученное Ф.П.Филиным за несколько дней до голосования, было расценено им как попытка оказать давление на Совет.

На самом совете мне не было предъявлено никаких претензий, хотя всем было очевидно, что непереаттестация была вызвана моим участием в упомянутых коллективных письмах протеста. На состоявшемся вскоре после этого расширенном заседании дирекции, партбюро и месткома мне была предложена сделка: я должен “снять” свои подписи, покаяться (предлагалось сделать это незаметно — прямо на ухо Ф.П.Филину) и пообещать больше таких писем не подписывать. За это мне посулили осенью вновь поставить вопрос о переаттестации, причем Ф.П.Филин уверенно гарантировал переизбрание.

Я на эту сделку, естественно, не пошел и принужден был покинуть Академию. Пристанище было найдено в одном из информационных институтов Министерства электротехнической промышленности СССР — знаменитом “Информэлектро”, правда, ценой отказа от прежних занятий и перехода в совершенно новую для меня область машинного перевода. Это, конечно, очень интересная область, многому меня научившая, но по доброй воле я бы не стал ею заниматься.

Директором “Информэлектро” был тогда Сергей Глебович Малинин. С риском для своей карьеры он упорно и мужественно собирал в “Информэлектро” всех вычищенных из академических институтов диссидентов, подписантов и “расово неполноценных” людей, если считал их способными специалистами. Он, действительно, был снят со своей должности в 1978 году и вскоре после этого умер. Память о нем для меня свята, и я счастлив, что имею возможность публично отдать дань уважения и любви этому замечательному человеку. Его храбрости и чувству чести российская лингвистика обязана тем, что такие известные ученые, как И.М.Богуславский, А.К.Жолковский, Л.Л.Иомдин, Л.Н.Иорданская, Л.П.Крысин, В.З.Санников, Л.Л.Цинман, получили возможность в трудное для себя время работать хоть и не совсем по специальности, но все-таки в области науки. Я назвал только тех, зачисление кого на должность было сопряжено с нарушением негласных партийных установок и кто составил костяк будущей лаборатории теоретической и экспериментальной лингвистики “Информэлектро”, которой мне посчастли-

вилось тогда руководить и которая с конца 80-х годов известна как Лаборатория компьютерной лингвистики ИППИ РАН. Подчеркну, что в лютых условиях 70-х годов С.Г.Малинин не боялся идти в своем институте на такую концентрацию неугодных властям ученых, из которой вырастали серьезные научные группы и целые научные направления.

Моя последняя встреча с Ф.П.Филиным была психологически поучительной. В Академии было немало влиятельных ученых, особенно из числа математиков, которым решительно не нравилась проводимая им репрессивная политика. Между тем у него в Академии были далеко идущие планы, и он совсем не был заинтересован в разрастании скандала вокруг истории с моей неперереаттестацией, которая получила огласку в академических кругах. Поэтому, когда я принес ему заявление об уходе по собственному желанию, он ухватился за эту возможность расстаться чинно (впоследствии мое заявление послужило основанием для бесстыдного утверждения, что я ушел из института потому, что хотел заниматься машинным переводом). Во время нашей последней встречи, уже хорошо понимая, с кем я имею дело, я все-таки дал ему еще одну возможность сыграть в любимую им игру, спросив, смогу ли я по-прежнему публиковаться в "Вопросах языкознания" (около этого времени он сменил там В.М.Жирмунского на посту главного редактора). Конечно, смогу, что за вопрос, он и дальше будет меня поддерживать.

Цену этим словам я понял довольно скоро. В Институте русского языка с благословения высоких партийных инстанций начался погром. Из него были изгнаны или вынуждены были уйти Л.Н.Булатова, Н.А.Еськова, Л.Л.Касаткин, Л.П.Крысин, В.Д.Левин, М.В.Панов, Н.В.Подольская, С.К.Пожарицкая, В.З.Санников, Э.И.Хан-Пира и другие известные ученые. На мое имя по инициативе Ф.П.Филина был наложен запрет. За шесть лет с начала 1973 по конец 1978 я сумел опубликовать в России всего три журнальных статьи. Приблизительно в десяти наших изданиях, включая "Вопросы языкознания", "Русский язык в школе", "Русский язык за рубежом", снимались положительные ссылки на мои работы (я узнавал о таких эпизодах от сконфуженных авторов подчищаемых статей).

Стало ясно, что в таких условиях у "Лексической семантики" нет никаких шансов на публикацию под грифом Института русского языка. Добавлю, что именно тогда была надолго заморожена замечательная книга М.В.Панова "История русского литературного произношения XVIII – XX вв.", утвержденная к печати Ученым советом института в 1970 году. Ей, как оказалось, предстояло ждать своего часа 20 лет.

Я стал искать другие возможности издания, но ничего не находил. В частности, ничем не мог помочь С.Г.Малинин, потому что "Информэлектро" никаких монографий, тем более по лингвистике, не выпускал.

Как часто бывает, помощь пришла с неожиданной стороны. Летом 1973 года мне позвонил В.Ю.Розенцвейг и сказал, что он провел через знаменитый в те годы берговский "Совет по кибернетике" решение об издании "Лексичес-

кой семантики” под грифом Совета. Надо было срочно и в значительной мере подпольно готовить рукопись к печати. Мне удалось существенно ее доработать, изготовить весьма хорошие клише графических схем, перепечатать всю рукопись и привести в презентабельный вид один экземпляр (потребовалась корректурная и чисто физическая правка машинописи, качество которой, из-за халтурности машинистки, было ниже всякой критики). На указатели, в условиях очень напряженной работы в совершенно новой для меня области машинного перевода, времени уже не хватило.

В конце 1973 года рукопись была сдана в издательство, благополучно прошла редподготовку и была включена в план выпуска 1974 года. Подпольная стадия закончилась: планы “Науки” в обязательном порядке публиковались в ее ежегодном рекламном листке.

С этого момента начались странности. Рукописи, сданные существенно позже, проходили уже вторую корректуру, а “Лексическая семантика” еще дождалась первой.

Ближе к осени 1974 года мне позвонила заведующая лингвистической редакцией “Науки” О.Ф.Рожкова и встревоженным голосом попросила меня приехать. При встрече она рассказала следующую детективную историю.

Когда рукопись была передана в типографию, из Президиума АН СССР в “Науку” пришло письмо, предписывающее свять с публикации “Лексическую семантику”, а вместо нее печатать другую книгу. У меня есть основания предполагать, что это была печально известная проработочная брошюрка Н.З.Котеловой, вышедшая годом позже. Не сомневаюсь я и в том, что письмо было инспирировано Ф.П.Филиным.

О.Ф.Рожкова забрала рукопись из типографии и поехала по инстанциям, включая отдел науки ЦК. Везде она доказывала, что книгу надо печатать, потому что ее изъятие будет означать срыв плана, а это, как известно, в социалистическом обществе карается самым суровым образом. В одной из инстанций (судя по всему, именно в отделе науки ЦК) ее попросили оставить рукопись и сказали, что разберутся. Наступила долгая пауза, и когда все разумные сроки прошли, О.Ф.Рожкова позвонила туда и спросила, как движутся дела с книгой. Там не понимали, о чем идет речь. Никакой книги у них не было и нет¹.

¹ В 1977 году похожий уголовный прием был использован против Англо-русского синонимического словаря. Усилиями Ф.П.Филина и еще одного весьма известного человека (не стану называть его имени, потому что недавно он извинился передо мной) совсем готовый словарь, над которым я и мои коллеги работали 15 лет, был выброшен из плана издательства “Русский язык”. Он бы никогда не увидел свет, если бы не порядочность и стойкость заведующего редакцией Е.А.Мужжевлева, который в течение года на всех уровнях бился за него, пока словарь не был, наконец, восстановлен в правах. Он вышел в 1979 году.

Вероятно, эту акцию продиктовала им их партийная совесть, на которую они всегда ссылались в подобных случаях. Но О.Ф.Рожкова, несмотря на ясно выраженную волю начальства, решила не отступать. Она предложила мне быстро оформить любой, самый слепой экземпляр рукописи и гарантировала, что типография сделает с него набор.

Оставшийся у меня экземпляр рукописи был настолько бледным, что из отпущенных мне двух месяцев все время ушло на графическое восстановление текста. Я не успел выверить библиографию и даже не смог заново изготовить клише, так что все “древесные” графические схемы набирались вручную с помощью нелепых разорванных прямоугольных стрелок.

Неэстетичный вид первого издания “Лексической семантики”, ошибки в библиографии, отсутствие указателей и другие технические дефекты являются, как мне кажется, достаточным основанием для ее переиздания. Особое значение я придаю тому обстоятельству, что в нынешнем издании “Лексическая семантика” оснащена вполне современным справочным аппаратом.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, которое для меня является самым весомым аргументом в пользу переиздания книги. Она не попала в *index librorum prohibitorum* (а такие списки, как известно, в нашей стране в XX веке существовали, их выпускал Главлит). Тем не менее, действовал негласный, анонимный, но довольно эффективный, в силу советской привычки к самоцензуре, запрет на ее цитирование. Это привело к тому, что “Лексическая семантика” после выхода в свет погрузилась в некое мертвое пространство.

Все 70-е годы и часть 80-х она находилась на полуполюгальном положении. В России не было опубликовано ни одной рецензии на нее. Даже реферативный журнал ИНИОН'а, который по долгу службы обязан давать информацию обо всей выходящей в стране литературе по общественным наукам, обошел ее молчанием. Точнее, Ф.И.Березин, который вел в этом журнале лингвистику, снял из номера уже готовый реферат И.М.Богуславского.

Когда в 1982 году, после настойчивых уговоров Н.И.Толстого, я согласился защищать “Лексическую семантику” в качестве докторской диссертации, оказалось, что защиту рискованно проводить в Москве. Она состоялась в конце 1983 года в Минске, т.е. полуподпольно, и только благодаря усилиям Н.И.Толстого и А.Е.Супруна.

Сейчас “Лексическая семантика” широко рекомендуется студентам и аспирантам филологических факультетов в качестве учебного пособия, но в те годы такой акт был бы сочтен идеологической диверсией. Маленькая иллюстрация. В 1978 году я начал было читать в МГУ спецкурс по лексической семантике, который с большим трудом был пробит в университетских верхах К.В.Горшковой и Б.А.Успенским. После шести лекций, по сигналам сразу четырех бдительных товарищей — О.С.Ахмановой, Н.Г.Комлева, Ю.В.Рождественского и Л.И.Скворцова (не посетивших, кстати, ни одной моей лек-

ции, чем и объясняется их несколько запоздалая реакция), — курс был сначала прерван, а потом запрещен по идеологическим мотивам.

Одним словом, “Лексическую семантику” во всех формах насильственно изымали из нормального научного обращения. В результате она не вошла в естественный для нее контекст семантики 70-х годов.

Конечно, через четверть века полноценное возвращение книги невозможно. В некоторых отношениях современная наука продвинулась слишком далеко вперед. Хотелось бы, однако, надеяться, что определенный запас прочности у “Лексической семантики” сохранился. Готовя ее к публикации, я не изменил в тексте ни одного слова. Ее основные темы (наивная модель мира, семантический язык и уровни семантического представления высказываний, системная организация лексики на основе ограниченного числа сквозных признаков, многослойная структура значения, сильные (обязательные) и слабые (факультативные, вероятные) компоненты значения, ключевая роль понятия наблюдателя, отличного от говорящего, взаимозависимость лексических и грамматических значений, правила взаимодействия значений, семантическая мотивированность и фразеологизация, модели управления и ролевая структура предикатов, регулярная многозначность, перифрастические средства языка и синтагматические ограничения на перифразирование), как кажется, вполне актуальны и сегодня, а некоторые из них именно сейчас обретают второе дыхание.

Я хотел бы закончить это предисловие несколькими словами благодарности.

Идеей переиздать “Лексическую семантику” я обязан В.З.Санникову, который настойчиво внедрял ее в мое сознание еще в бытность нашу в “Информэлектро”.

Его аргументы подготовили меня к предложению А.Д.Кошелева, который сумел облечь эту идею в плоть и кровь. Я признателен ему за проявленную широту взглядов: наши принципиальные расхождения по ряду теоретических вопросов не помешали ему взяться за издание моих работ.

Я благодарен своим товарищам из Лаборатории компьютерной лингвистики ИППИ РАН, которые облегчали, как могли, мою моральную ношу: значительную часть времени, которое по праву принадлежало Лаборатории, я при их молчаливом поощрении израсходовал на составление плана двухтомника, распечатку статей, чтение корректуры, писание предисловий и другие связанные с изданием книги работы. Я хотел бы особо упомянуть участие в этих работах Н.В.Григорьева, который занимался трудоемкой технической подготовкой моих файлов к печати.

Исключительную роль в технической модернизации всех вошедших в двухтомник работ сыграл С.А.Крылов, составивший к ним уникальные многомерные указатели собственного изобретения.

Я хотел бы выразить признательность Российскому гуманитарному научному фонду за постоянную поддержку моих исследований и конкретно — за финансирование данного проекта.

Моя всегдашняя и безграничная благодарность — моей жене М.Я.Гловинской, без самоотверженной помощи которой я бы не сумел довести до завершения большей части своих начинаний.

Сентябрь 1995 г., Москва.

Как прекрасно почувствовать единство целого комплекса явлений, которые при непосредственном восприятии кажутся разрозненными.

А. ЭЙНШТЕЙН

Для объяснения природы вопросы о неизмеримо большом – вопросы праздные. Иначе обстоит дело с вопросом о неизмеримо малом. От той точности, с которой нам удастся проследить явления в бесконечно малом, существенно зависит наше знание причинных связей.

Б. РИМАН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нынешняя эпоха развития лингвистики – это, бесспорно, эпоха семантики, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определенной информации. Последовательное развитие этого тезиса неизбежно приводит к концепции лингвистики как такой науки, в которую входит, наряду с другими дисциплинами, еще и развитая семантика, складывающаяся из описания не только грамматических, но и лексических значений. Тем самым словарь оказывается необходимой частью полного теоретического описания языка (ср. Копецкий 1973: 4), а не только «памятником лексики» или практическим справочным пособием для его носителей. По аналогии с теоретической и практической (школьной) грамматикой целесообразно говорить и о двух соответствующих типах словарей. С другой стороны, полное семантическое описание содержательных единиц языка, даваемое, в частности, словарем теоретического типа, оказывается естественной основой для строгого определения любых лингвистических понятий, в основе которых лежит представление о семантических тождествах и различиях соответствующих языковых объектов.

Данная книга может рассматриваться как попытка построить фрагмент такой системы семантических понятий, которая могла бы послужить теоретической основой для словаря нового типа. Ее замысел возник у автора отчасти

в результате его собственных исследований, отчасти под влиянием работ И. А. Мельчука и А. К. Жолковского по модели «Смысл \Leftrightarrow Текст». С одной стороны, излагаемая в книге система является частью модели владения языком и поэтому образует естественное дополнение к модели исследования, описанной в предшествующей книге автора (Апресян 1967). С другой стороны, разработанный нами фрагмент семантической теории вписывается в более широкие рамки предложенной И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским модели «Смысл \Leftrightarrow Текст», поскольку последняя включает в себя в качестве существенного компонента систему перифразирования, а главным объектом нашего внимания являются именно синонимические (перифрастические) средства языка в широком смысле слова. Таким образом, остается прежней и основная наша тема – синонимия; но если раньше исследовались преимущественно синтаксические средства синонимии (синтаксические трансформации), то в этой книге предметом изучения является более широкий круг синонимических средств языка, на основе которых происходят лексико-синтаксические преобразования. Оказывается, что среди этих средств лексические синонимы занимают относительно скромное место, а главная роль принадлежит категориям, на первый взгляд очень далеким от синонимии (дериватам, многозначным словам, конверсивам и даже – хотя и в значительно меньшей мере – антонимам).

Излагаемая в книге концепция разрабатывалась автором с учетом результатов исследований, выполненных в нашей стране и за рубежом. Поэтому каждой из представленных в книге тем предпосылается обзор имеющихся в данной области идей и результатов (в основном полученных до 1970 г.). Упор сделан именно на принципиальные идеи и результаты, а не на возможные «точки зрения». Последние во многих случаях оказываются различными терминологическими версиями одних и тех же представлений, хотя внешне часто конфликтуют. Это создает искаженную картину современной семантики, к сожалению настолько прочно укоренившуюся в сознании некоторых лингвистов, что она рискует надолго пережить породившее ее положение вещей. Свою задачу мы видим в том, чтобы показать растущие области контакта или даже совпадения различных по форме теорий; именно преодоление разобщенности и преодоление сознания разобщенности может дать семантике ту принципиально единую основу, без которой ее успешное развитие как науки невозможно. В связи с такой ориентацией реферативных частей книги мы не стремились к исчерпывающему анализу всей литературы (предприятие, при нынешних темпах роста научной информации заведомо бесперспективное), но считали возможным ограничиться такой выборкой источников, которые достаточно полно представляют идеи соответствующей области семантики. При этом мы стремились не просто изложить идеи в их окончательном виде, но показать внутреннюю логику их развития или эволюции.

Хотя книга имеет теоретическую ориентацию, мы пытались по возможности полно и систематически (перечислением классов явлений, а не отдельных явлений) описать те семантические факты русского языка, которые были выбраны нами для детального исследования. В результате некоторые главы производят впечатление перегруженности фактами; мы, однако, исходили из того, что любая теория семантики заведомо сомнительна, если ее тезисы не проверены массовым материалом.

Некоторые фрагменты этой книги были опубликованы в виде отдельных статей; тем не менее, чтобы не нарушать цельности изложения, было решено их не изымать. Это решение оправдывается еще и тем обстоятельством, что в подавляющем большинстве случаев они существенно расширены и в теоретическом, и в фактическом отношении, а многое пересмотрено или уточнено.

Рукопись книги была прочитана М. Я. Гловинской, Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком, которым автор выражает свою признательность за деловую и доброжелательную критику. Особенно многим автор обязан И. А. Мельчуку – не только как взыскательному читателю этой книги, но и как ученому, работы и идеи которого оказали решающее влияние на формирование ее общей лингвистической концепции.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ

ИСТОКИ СЕМАНТИКИ

Современная лексическая семантика уходит своими корнями в ряд лингвистических и смежных с ними дисциплин, из которых важнейшими являются следующие:

1) Лексикография, чьи практические потребности постоянно ставили теоретическую семантику перед необходимостью создать аппарат для исчерпывающего и избыточного толкования лексических значений, характеристики лексической и синтаксической сочетаемости слов, описания их семантических связей с другими словами и т. п.

Лексикография требует прежде всего ответа на вопрос, что слова значат. Между тем теоретическая семантика предшествующей эпохи занималась почти исключительно вопросом о том, как слова значат. Именно этому посвящено учение о способах развития значений – сужении и расширении, дифференциации и аттракции, метафоре и метонимии и т. п., а также более тонкие наблюдения над направлением переносов – от пространственных значений – к временным, но не наоборот; от *nomina anatomica* – к именам физических предметов, но не наоборот; от названий свойств, воспринимаемых осязанием, обонянием и вкусом, – к названиям свойств, воспринимаемых зрением или слухом, но не наоборот; и ряд других.

По указанной причине семантика и лексикография долгое время развивались независимо друг от друга. Как свидетельствует Л. В. Щерба, «лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Боппа, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикографии» (Щерба, 1940: 78). Это положение вещей в значительной мере сохранялось и в первой половине нашего столетия и дало У. Вейнрейху основание писать о («роковой бездне между теоретической и описательной семантикой, бездне, которая обрекает первую на бесплодие, а последнюю – на атомизм» (Вейнрейх 1963а: 115). Однако в целом для лингвистики XX века характерно встречное развитие семантики и лексикографии, отразившееся в работах таких замечательных языковедов, какими были Л. В. Щерба, Ш. Балли, Э. Сэпир, К. Эрдман, Дж. Фирт, В. В. Виноградов. Современная семантика так или иначе усвоила следующие сформулированные этими учеными принципы: а) сущность,

называемая (лексическим) значением слова, – это не научное, а «наивное» (по Л. В. Щербе – («обывательское») понятие о соответствующей вещи, иногда отягощенное смысловыми и эмоциональными ассоциациями (*valeur émotive*, *Gefühlswert*, *feeling*, *tone*), не соответствующими каким-либо существенным признакам обозначаемого словом предмета или факта (Балли 1921, Эрдман 1925, Щерба 1931, 1940, Фирт 1935, 1951); б) эта сущность должна раскрываться в толковании слова, выполняемом на особом «интеллектуальном языке-идентификаторе» (Балли 1921, 1926), который строится в основном на базе обычного языка, но может содержать и такие слова (например, «норма» в смысле Э. Сэпира), которые не имеют прямых семантических соответствий в естественном языке (Сэпир 1944); в) слова в языке соединяются друг с другом не вполне свободно, т. е. не только на основе информации об их значениях; процессы построения словосочетаний и предложений подчиняются особым сочетаемостным ограничениям – лексическим и конструктивным (Балли 1926, Виноградов 1947а, 1947б, 1953); г) даже в относительно свободных словосочетаниях значение целого словосочетания далеко не всегда складывается из значений образующих его слов по простому закону суммирования; существуют и более интересные правила взаимодействия значений, дающие не «сумму значений», а некий более сложный продукт (Щерба 1931, Виноградов 1969).

Все эти идеи, представляющие непосредственный лексикографический интерес, высказывались часто именно как результат раздумий над лексикографическими проблемами и намечали интересные пути сотрудничества лексикографии и семантики. Для некоторых школ современной семантики такое сотрудничество уже стало фактом (ср., в особенности, французскую семантику и лексикографию – Имбс 1960, Дюбуа 1964, Греймас 1964, 1966, Рей 1965, 1968а, 1968б, 1970, Рей-Дебов 1966, 1967, 1969, 1970, Дюбуа 1970 и словари Дюбуа 1966, Робер 1967), и сейчас попытки создать законченную теорию семантики оцениваются, в частности, с учетом их лексикографической полезности (Вейнрейх 1963а, 1963б).

2) Лингвистическая семантика 40-х и 50-х годов (Ельмслев 1943: 305, 325 и сл., Кребер 1952, Гуденаф 1956, Лаунсбери 1956, Ельмслев 1957), из которой было заимствовано представление о компонентной структуре лексических значений (в свою очередь перенесенное в лингвистическую семантику из фонологии и грамматики, где анализ по дифференциальным признакам – фонологическим и грамматико-семантическим – практиковался в течение десятилетий); ср. *жеребец* = 'лошадь + самец', *кобыла* = 'лошадь + самка', *кобель* = 'собака + самец', *сука* = 'собака + самка', *мужчина* = 'человек + самец + взрослый', *женщина* = 'человек + самка + взрослая', *мальчик* = 'человек + самец + невзрослый', *девочка* = 'человек + самка + невзрослая' и т. д.

Первоначально анализировались относительно простые и замкнутые системы типа терминов родства, названий животных, военных и иных номенклатур и даже высказывалась мысль (например, Мартине 1953, Ульман 1964, Шмелев 1966: 104), что исчерпывающее разложение значений на дифференциальные признаки возможно только в рамках таких систем. Однако в обстоятельной книге М. Матьо (Матьо 1968; ср. также Матьо 1967) принципы анализа по дифференциальным признакам были распространены на гораздо более широкие слои лексики.

Традиционная теория дифференциальных семантических признаков была существенно дополнена в 60-х годах концепцией интегральных признаков (Толстой 1968, Шмелев 1969: 15, Найда 1970: 9), в силу которой в значение слова могут входить такие семантические компоненты, по которым оно не противопоставляется никаким другим значениям в пределах определенного тематического круга слов. Для слов *сын* и *дочь* признак степени родства является дифференциальным, поскольку именно он лежит в основе противопоставления *сын* – *племянник*, *дочь* – *племянница*, а для слова *дети* тот же признак оказывается интегральным, так как противопоставленного *детям* родового названия для *племянников* и *племянниц* в русском языке нет. В связи с этим было сделано наблюдение, что в лексике преобладают эквиолентные, а не привативные оппозиции (ср. *бор* = 'большой густой хвойный лес' – *роща* = 'небольшой, обычно лиственный лес' при отсутствии однословного выражения для значений 'небольшой густой хвойными лес', 'большой лиственный лес' и т. п.; см. Шмелев 1966: 103)¹.

Наряду с существенными семантическими признаками значений (дифференциальными и интегральными) было признано необходимым рассматривать в ряде случаев несущественные признаки, называемые «ассоциативными» (Шмелев 1969: 26), или «потенциальными» (Гак 1972: 382); ср. с. 67. Для слова *молния*, например, таким признаком является быстрота, для слов *дед* и *бабка* – старый возраст, для слов *дядя* и *тетя* – тот факт, что они обычно старше его, и т. д. Учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов, ср. *телеграмма-молния*; *дяденька* и *тетенька* в обращении и т. п.

Одновременно высказывались ценные мысли об отношениях между признаками в составе толкования. Хотя разложение лексического значения на дифференциальные семантические признаки в принципе обходится без синтаксиса (*жеребец* = 'лошадь + самец' = 'самец + лошадь', т. е. лексическое значение представляется как неупорядоченное множество юнктивно связанных

¹ *Бор* значит, скорее всего, не 'большой густой хвойный лес', а 'сосновый лес, состоящий из больших деревьев'.

компонентов), многие авторы не удовлетворялись этим представлением. Так, У. Гуденаф и Ф. Лаунсбери постулировали отношение притяжательности между именами признаков по крайней мере при записи значения на денотативном уровне (*племянник* = 'сын брата или сестры').

Иная идея иерархической организации значения обсуждалась позднее в работах Потье 1965, Хеллер и Макрис 1967, Толстой 1968, Гак 1971.

Изучая цветообозначения, Г. Хеллер и Дж. Макрис установили следующую иерархию семантических компонентов («параметров») в слове и, по-видимому, в толковании соответствующих слов: главный компонент – тон (длина волны, ср. *красный, желтый, синий* и т. д.); зависимые компоненты – интенсивность (степень несмешанности с белым, ср. *темно-, густо-, светло-*) и яркость (количество отраженного света, ср. *ярко-, тускло-*); основанием для этого вывода служит тот факт, что тон встречается без двух других компонентов, а эти последние без тона не встречаются, ср. *красный – пурпурный, розовый, алый, багряный*.

Толстой (1968: 345, 361 и сл.) выделяет в составе семантических признаков, или сем, образующих данное значение, семы двух видов – опорные (конкретные и немаркированные) и сопутствующие (абстрактные и маркированные, служащие основой противопоставлений; ср. *березничек* = 'б е р е з а + лес + молодость + малая величина'; вразрядку набрана опорная сема).

По В. Г. Гаку (следующему в этом отношении за Б. Потье), наоборот, ядром значения лексемы является, по-видимому, сема родового значения («архисема»), а дополнительным элементом – «дифференциальные семы видового значения» (Гак 1971).

Таким образом, для теории и практики «компонентного анализа значений» характерно признание иерархической организации значения на основе его дифференциальных признаков, имеющее общие черты с представлением о том, что всякое лексическое значение обладает определенной синтаксической структурой (см. ниже, с. 77).

3) Философская и логическая традиция толкования значений слов, восходящая ко временам античности (Аристотель), богато представленная в XVII – XVIII веках (Локк, Лейбниц, Спиноза) и возрождающаяся в наше время (см., например, Остин 1965). В типичных для этого направления работах выражаемое словом понятие анализируется в составе целого высказывания и в связи с той ситуацией, которая им описывается, причем делается попытка свести большое число сложных понятий к небольшому числу простых и эффективно различить любые два понятия. Толкуя, например, такие сложные слова, как *надежда, страх, уверенность, отчаяние*, Спиноза вводит понятие о будущем и два простых бинарных признака: 'хорошее' – 'дурное' и 'случайные вещи' (они могут наступить или не наступить) – 'необходимые вещи' (они должны наступить). Это позволяет ему построить глубокие, хотя и не во всем

верные толкования, представление о которых могут дать следующие примеры: «Если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого душа принимает форму, которую мы называем надеждой... С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе возникает покой, называемый нами уверенностью... Когда же мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» Бенедикт Спиноза (Избранные произведения. М., 1957, Т. 1, с. 128–129).

4) Исчисление высказываний математической логики, давшее метаязыку семантики основы рекурсивного синтаксиса с правилами образования и преобразования; существенными чертами этого синтаксиса являются: а) различие имен отношений, или предикатов, и имен предметов, по отношению к которым предикаты играют роль синтаксически господствующих элементов, использованное лингвистической семантикой для определения и записи лексических значений, например, *A показывает B X-у* = *показывает* (A, B, X) = 'A каузирует (X видит B)' = 'каузирует (A видит (X, B))'; б) представление о предикатах более высокого и более низкого порядка, в силу которого предикат более низкого порядка может занимать место предметной переменной в предикате более высокого порядка; ср. в нашем примере второе место двухместного предиката *каузировать*, занятое двухместным же предикатом *видеть*, порядок которого на единицу ниже порядка *каузировать*; в) преобразования со связками и кванторами, с помощью которых одни правильно построенные формулы переводятся в другие равносильные им и тоже правильно построенные формулы (Рейхенбах 1947; см. также работы Рассел 1940, Тарский 1948, 1956, Куайн 1953, 1960, Черч 1960). В этом же направлении воздействовала на семантику порождающая грамматика Н. Хомского (Хомский 1957) с ее идеей семантически инвариантных преобразований, развитой в современной семантике в весьма содержательную теорию синонимического перифразирования, и модальная логика, откуда в лингвистическую семантику были перенесены определения элементарных модальностей и операции над ними (Модальная логика 1967; из работ лингвистов см. Адамец 1968, Вежбицка 1969): *необходимо P* = 'невозможно не P', *возможно P* = 'неверно, что необходимо не P' и т. п. В так называемой деонтической модальной логике (логической теории норм и нормативных высказываний) понятию необходимости соответствует понятие обязательности, понятию возможности – понятие разрешенности и понятию невозможности – понятие запрещенности, так что *обязательно P* = 'невозможно не P', *разрешено P* = 'необязательно не P', *запрещено P* = 'обязательно не P'. Все эти определения и равенства усвоены современной лингвистической семантикой и используются ею при анализе соответствующих слов.

Внутренняя логика развития лингвистической семантики и те импульсы, которые она получала от смежных с нею наук, действовали в одном направлении, и к концу 60-х годов идейный разнобой предшествующей эпохи стал в значительной мере достоянием истории. Может быть, одним из самых замечательных показателей зрелости современной семантики, при том, что субъективно он многим причиняет огорчения, является тот факт, что одни и те же результаты получают лингвистами, работающими совершенно независимо друг от друга. Тенденция к интеграции в современной семантике бесспорна и отчетливо проявляется в развитии самых различных направлений, хотя многие из них до сих пор сохраняют принципиальные особенности.

СОВРЕМЕННАЯ СЕМАНТИКА КАК ЧАСТЬ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Для многих современных лингвистических школ характерно понимание семантики как особого компонента полного описания языка, которое в свою очередь мыслится как формальное устройство, моделирующее языковое поведение людей. Чтобы составить себе представление о модели языка в целом и о ее семантическом компоненте в особенности, необходимо уяснить, из каких умений складывается тот феномен, который называется «языковое поведение», «владение языком» и т. п.

Люди, знающие тот или иной естественный язык, могут выполнять с его помощью следующие операции:

1) Строить на этом языке текст, выражающий нужное значение (способность говорения), а также извлекать значение из воспринимаемого текста (способность понимания). Неумение выбрать слова и конструкции, выражающие требуемое значение, приводит к семантической ошибке, например, такой: *Преступники угнали несколько государственных и собственных машин*. Это предложение либо неправильно (надо было сказать *частных*, а не *собственных*), либо правильно, но нелепо (преступники обокрали себя, угнав свои собственные машины). Ошибка объясняется тем, что автор приведенного высказывания спутал два близких, но не совпадающих по значению слова: *частный X* = 'X, принадлежащий отдельному лицу' и *собственный X* = 'принадлежащий тому лицу, которое пользуется X-ом'².

2) Соединять слова друг с другом идиоматично, т. е. в соответствии со сложившимися в данном языке и подчас трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетаемости. По-русски нельзя сказать *транжирить* или *мотать деньгами* (надо: *транжирить* или

² Если машина (рубашка или ручка), которую некое лицо А использует по ее прямому назначению (ездит, носит, пишет), ему же и принадлежит, то мы можем говорить о ней как о собственной машине (рубашке или ручке) этого лица.

мотать деньги), *приходить в хандру* (надо: *впасть в хандру*), хотя никакой семантической ошибки тут нет: форма творительного падежа *деньгами* может иметь требуемое по смыслу объектное значение (ср. *сорить* или *бросаться деньгами*), а глагол *приходить* — требуемое по смыслу значение 'начинать находиться в состоянии, обозначенном зависимым существительным' (ср. *приходить в ярость*).

3) Устанавливать различные семантические отношения между высказываниями, в частности: а) отношения синонимии, ср. *Нет на свете дела, более трудного, чем составление словаря* = *Составление словаря — самое трудное дело на свете*; б) отношения логического следования, ср. *Мальчик вылечился* ⇒ *Мальчик выздоровел* ⇒ *Мальчик здоров*. При говорении эта способность проявляется в умении перифразировать построенный текст многими различными способами, оставляя неизменным его содержание или меняя последнее строго определенным способом, а при понимании — в умении увидеть полное или частичное семантическое тождество внешне различных текстов.

4) Устанавливать различные семантические свойства предложений, в частности: а) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных, б) отличать семантически связные тексты от семантически несвязных.

Подчеркнем, что здесь имеются в виду умения, основанные на владении чисто языковой (словарной и грамматической), а не энциклопедической информацией. Текст *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд* для всякого носителя русского языка значит: 'Плывя стилем «кроль», он покрыл расстояние в сто метров и затратил на это 45 секунд'. Для тех, кто знает не только русский язык, но и таблицу мировых достижений в плавании (элемент энциклопедической, а не языковой информации), то же самое предложение может оказаться гораздо содержательнее. Оно может быть воспринято как сенсационное сообщение о феноменальном мировом рекорде, как напоминание о безграничных физических возможностях человека и т. п.

Достаточно знать только грамматику языка и словарные значения слов, чтобы построить перифразы *Стометровую дистанцию (стометровку) он проплыл кролем за 45 секунд, На сто метров кролем у него ушло 45 секунд, Стометровку он прошел кролем за 45 секунд, Он затратил 45 секунд на то, чтобы пройти кролем расстояние в 100 метров, Стометровку он проплыл кролем за 3/4 минуты* и очень многие другие. К услугам знатока спорта будут и совершенно иные возможности перифразирования: *Кратчайшую олимпийскую дистанцию он проплыл кролем за 45 секунд, На стометровой дистанции кролем он на 10 секунд улучшил прежний мировой рекорд* и т. д.

Если человек владеет только языковой информацией, он не сумеет сказать, являются ли семантически связными тексты: *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, установив, таким образом, феноменальный мировой рекорд* и *Он проплыл 100 метров кролем за 45 секунд, едва выполнив, таким об-*

разом, норму третьего разряда. Если же человек владеет и соответствующей энциклопедической информацией, первое предложение будет для него семантически связно, хотя и неправдоподобно, а второе – несвязно или ложно.

Итак, речь идет лишь о моделировании знания языка, а не знания действительности. В указанных рамках носители языка выполняют все перечисленные операции интуитивно и не отдают себе отчета в том, на каком основании они выбирают то или иное решение. Рассмотрим, например, предложение *Хороший кондитер не жарит хворост на газовой плите*. Его значение непосредственно очевидно всякому человеку, владеющему русским языком, хотя можно сомневаться в том, что рядовой носитель языка сумеет теоретически удовлетворительно объяснить существо закона, который он интуитивно использует при понимании данного предложения. Однако модель не может апеллировать к интуиции, которой у нее нет, и если мы хотим, чтобы она выполняла доступные человеку операции с текстами, мы должны заложить в нее необходимую информацию в явном виде. Эта информация складывается прежде всего из знания фонетических, морфологических и синтаксических единиц и правил и знания словаря, но, конечно, не исчерпывается этим. Существуют еще некие семантические правила интерпретации текстов; ниже мы эксплицируем одно из них, допустив, что синтаксическая структура предложения и значения входящих в него слов уже известны ³.

Оставляя в стороне многозначность слов *хороший*, *не*, *на*, выпишем в столбец значения всех других слов ⁴.

<i>Кондитер</i>	<i>жарить</i>	<i>хворост</i>	<i>газовый</i>	<i>плита</i>
1.	1.	1.	1.	1.
'тот, кто изготовляет сласти'	'изготавливать пищу нагреванием на/в масле'	'сухие отпавшие ветви'	'состоящий из газа'(облако)	'плоский кусок твердого материала'
2.	2.	2.	2.	2.
'торговец сластями'	'обдавать зноем'	'печенье, изготовленное кипячением в масле'	'производящий газ'	'нагревательное устройство для изготовления пищи'
3.			3.	
'владелец кондитерской'			'работающий на энергии сжигаемого газа'	

³ Правило, о котором пойдет речь, было установлено П. Губериной, а затем уточнено и дополнено в следующих работах: Мастерман et al. 1959, Мастерман 1962, 1963, Мастерман et al. 1964, Паркер-Роудс 1964, Мартемьянов 1964, Катц и Постал 1964, Уилкс 1965, Джоунс 1965, Потье 1965, Греймас 1966, Вежбицка 1967, Севбо 1969, Гак 1972. Важные поправки к нему см. в работе МакКоли 1968б; интересны также соображения У. Вейнрейха (1966а).

⁴ Значения сформулированы здесь очень приблизительно.

Если модель не знает закона, по которому из значений слов строится значение предложения, ничто не мешает ей понять это высказывание, например, в следующем смысле: 'Хороший торговец сладостями не обдаёт зноем сухие отпавшие ветви на плоском куске металла, производящем газ'. Это осмысление получается в результате такой комбинации значений: *кондитер 2, жарить 2, хворост 1, газовый 2, плита 1*; общее же число принципиально мыслимых комбинаций значений и, следовательно, принципиально возможных прочтений предложения в пределах заданной информации достигает $3 \times 2 \times 2 \times 3 \times 2 = 72$. Из них лишь одно является оптимальным по своей информативности и естественности. Чтобы сформулировать закон, на основании которого носитель языка безошибочно выбирает именно его, присмотримся внимательнее к значениям слов, дающим оптимальное осмысление предложения. Это значения *кондитер 1, жарить 1, хворост 2, газовый 3 и плита 2*; характерным для них является наличие ряда общих семантических элементов, а именно элемента 'изготавливать' ('тот, кто изготавливает', 'изготавливать пищу', 'изготовленное', 'для изготовления пищи'), элемента 'нагревание' ('нагреванием на/в масле', 'изготовленное кипячением', 'энергия сжигаемого газа', 'нагревательное устройство'), элемента 'пицца' ('сладости', 'изготавливать пищу', 'кипячением в масле'). Выбор названных значений обеспечивает максимальную повторяемость семантических элементов в пределах предложения; легко убедиться, что при любом другом осмыслении предложения повторяемость семантических элементов будет менее высокой.

Это и есть основной семантический закон, регулирующий правильное понимание текстов слушающим: выбирается такое осмысление данного предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума. Этот закон представляет собой строгую формулировку старого принципа, в силу которого нужное значение многозначного слова «ясно из контекста»; иногда он называется правилом семантического согласования (Гак 1972)⁵.

Теперь можно формально эксплицировать, хотя бы в первом и самом грубом приближении, и понятие семантической связности текста: текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты; если ни для одной пары

⁵ Если пользоваться этим термином, то следует иметь в виду, что между грамматическим и семантическим согласованием имеется существенное различие: слово *A*, грамматически согласованное с *B*, заимствует у последнего определенные значения в данном тексте; между тем семантически согласованные друг с другом слова *A* и *B* не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре. Бесспорно, однако, что понятие согласования (повторяемости каких-то элементов языковой информации) может быть обобщено таким образом, что грамматическое и семантическое согласование предстанут как его частные случаи.

синтаксически связанных друг с другом слов это правило не соблюдено, текст семантически не связан.

Уже этот пример показывает, что попытка смоделировать понимание человеком семантически связанных текстов или его умение отличать семантически связанные тексты от несвязанных приводит к постановке серьезного вопроса о языке, на котором описываются значения слов. Очевидно, например, что, поскольку повторяться в тексте могут только части сложных значений, а не эти значения целиком, каждое из сложных значений должно быть представлено в виде комбинации более простых значений, а каждое из этих простых значений должно (в формальном языке) всегда называться одинаково: если одно и то же простое значение будет называться по-разному в зависимости от того, входит ли оно в сложное значение 'A' или 'B', факт его повторяемости в словосочетании *AB* не может быть непосредственно установлен.

Сказанное позволяет заключить, что искомый язык существенно отличается от естественного языка хотя бы тем, что его слова семантически гораздо проще слов естественного языка и не имеют синонимов. В дальнейшем мы займемся этим вопросом подробнее; здесь же достаточно подчеркнуть, что к точно таким же выводам мы бы неминуемо пришли, если бы рассматривали требования, вытекающие из формальной постановки проблемы моделирования любой другой способности из числа тех, которые в совокупности составляют «владение языком». В частности, не имея специального языка для записи значений, невозможно формально смоделировать умение носителя языка строить тексты с заданным содержанием.

Неудивительно поэтому, что вопрос о языке для записи значений слов и – шире – целых высказываний оказался в центре внимания многих современных школ и направлений семантики, которой теперь отводится очень важная роль: она не просто «изучает значения слов», но отвечает за разработку языка для записи семантической информации и (отчасти) правил перехода от предложений этого языка к предложениям естественного языка. В связи с этим выделяется по крайней мере два уровня представления высказываний: семантический (у некоторых авторов – глубинно-синтаксический) и поверхностно-синтаксический (ср. Жолковский и Мельчук 1965, 1967, Лэмб 1966, Вежбицка 1967, Лайонс 1967, Лаков 1968, МакКоли 1968, Филмор 1969, Брекле 1969, Беллерт 1969, Богуславский 1970, Шаумян 1971, Бархударов 1973). В работах последних лет (см. в особенности Мельчук 1974а, 1974б) число уровней возрастает до пяти-шести: семантический, глубинно-синтаксический, поверхностно-синтаксический, глубинно-морфологический, поверхностно-морфологический, фонологический. Однако такая концепция уровней и соответствующая ей терминология сложилась не сразу. В конце 60-х годов многие исследователи еще не различали семантической и синтаксической информации. Не желая модернизировать работы, выбранные нами для обзора,

мы в большинстве случаев сохраняли использованную в них терминологию. Однако читатель должен иметь в виду, что термины «глубинный уровень» и «глубинная структура» во многих из них (особенно в работах Дж. Лакова и Дж. Лайонса) употребляются не для обозначения того, что сейчас принято называть глубинно-синтаксическим уровнем и глубинно-синтаксической структурой, а для обозначения семантического уровня и семантического представления высказывания. Посмотрим, как решается вопрос о семантическом уровне представления высказываний в разных школах современной семантики.

1. По существу, одна из первых попыток построить семантический язык-посредник (ЯП) для записи высказываний на семантическом уровне была предпринята Кембриджским лингвистическим кружком (Мастерман et al. 1959, 1964, Кей 1959, Мастерман 1962, Паркер-Роудс 1964, Уилкс 1965).

Многочисленные сформулированные кембриджцами требования, которым должен удовлетворять язык-посредник, сводятся, по мнению автора, к двум основным: во-первых, язык-посредник должен снимать внутриязыковую синонимию, т. е. отождествлять одинаковую семантическую информацию, независимо от того, какими средствами данного естественного языка – лексическими или грамматическими – она выражается; во-вторых, он должен снимать межъязыковую синонимию, т. е. отождествлять одинаковую семантическую информацию, независимо от того, средствами какого естественного языка она выражается.

На основе этих идей кембриджцы построили серию ЯП, самый поздний из которых состоит из 58 классификаторов (имен элементарных смыслов) и рекурсивных правил построения формул из них. Элементарная формула состоит из двух классификаторов, взятых в круглые скобки и разделенных маркерами (двоеточием или косой чертой). Элементарные формулы правильны. Если X и Y – правильные формулы или классификаторы, то (X : Y), (X/Y) – также правильные формулы.

Классификаторы сведены в несколько сот шаблонов, каждый из которых содержит три классификатора, определяющих класс элементарных ситуаций, например, 'Человек место делать', 'Животное место делать', 'Человек место находиться', 'Человек действие производить' и т. п. Предложениям *Джон читает в комнате*, *Петр опустошил кладовую* соответствует первый шаблон (что нам представляется труднообъяснимым), предложениям *Кошки опустошали кладовую*, *Собака бегает по комнате* – второй и т. д.

Указанные средства используются для семантического анализа текста, который протекает в два этапа. На первом этапе текст переписывается на ЯП с помощью особого алгоритма, разбивающего текст на фрагменты (в экспериментах, о которых имеется информация, это осуществлялось вручную). Фрагмент текста соответствует правильной формуле той или иной степени сложности. Основной алгоритм с помощью словаря шаблонов проверяет фрагмен-